
Очередная камера. Такая же, как и все предыдущие, лишь воздух немного более свежий и пахнет зеленью. Да, именно зеленью, запах пробивался едва-едва, сквозь дезинфекцию и пластик, однако это совершенно точно был он. На других планетах было по-другому. Там пахло, когда песком, когда свежестью, когда пеплом. Всегда по-разному. Когда тебя лишают возможности даже считать время, начинаешь чувствовать и это. И разговаривать с самим собой.

Он уже не пытался даже покончить с собой, полностью погрузившись в мир грёз и воспоминаний. На него давно не надевали смирительную рубашку. Она не нужна овощу. Из пучины беспамятства его вырывало только ощущение фиксации на очередном разделочном столе и последующих мучений, которые теперь не побуждали в мозгу ничего, кроме воспоминаний о том месте, когда у него отняли всё, об Акузе. Хотя, если быть совсем откровенным, то в тот момент, когда в обездвиженное тело вонзался скальпель или очередной инъектор, капрал вспоминал густую коричнево-зелёную жижу, которая текла под проклятым контейнером. Она в его воображении почему-то омерзительно воняла.

В этот раз всё было почти так же, как и всегда. Такая же камера, по которой он механически ходил, такая же мягкая полка, на которой он проваливался в сон, такая же стеклянная, изукрашенная жёлто-чёрным логотипом переборка, которую он когда-то таранил изо-всех сил. Но кое-что кроме запаха всё же изменилось.

Он осознал это далеко не сразу. Даже не после первой пытки, но однажды, когда его, очередной раз изрезанного, сшитого и насильно покормленного питательной пастой уложили на кушетку, человек вдруг кожей ощутил слабую вибрацию. Слабую. Почти не осязаемую и тем не менее, рука сама потянулась под полку, где нащупала узкую полоску чего-то, что можно было оторвать от опоры. А такого раньше не бывало. Дальше он действовал не задумываясь. Пальцы сами оторвали полоску и явили её глазам. В памяти сразу возникло воспоминание того, что это, браслет уни-инструмента.

Вот, полоса, повинувшись давно забытой привычке, сомкнулась на правом запястье и от неё сразу же отделилась мизерная, телесного цвета, таблетка. Наушник. Человек вздрогнул, когда она затерялась в складках комбинезона и, нащупав её вновь, торопливо засунул в ухо, чтобы услышать циклично повторяющуюся запись.

— Спрячь меня! Не показывай меня! Я твоя самая большая тайна!

Большая, это мягко сказано! Единственная! Осознано вынырывающее из порочного круга сознание.

На браслете же тем временем загорелся индикатор, показывающий установку ПО.

Как только шкала достигла ста процентов запись сменилась. Теперь записанный голос, как будто читал чьё-то личное дело. Его личное дело.

— Грегори Митчел Тумс родился... — В голову хлынул поток воспоминаний и боли. Промелькнули Земля, детский приют, мальчишки, которые его постоянно задирали, первая девушка, в которую он влюбился по уши, гордость за поступление в ВС Альянса, тренировки, первое дисциплинарное взыскание, тренировки, первая боевая операция, тренировки, награждение, ребята позвали в увольнительную, драка, опять дисциплинарное взыскание, опять тренировки. Всю свою службу вечный капрал провёл на полигонах. Он знал каждую деталь на своей винтовке и мог провести её полную сборку-разборку с завязанными глазами.

Чёрт! Да сколько споров он так выиграл! Вспомнилась даже характеристика его инструктора: умелый старательный, но недисциплинированный, склонный к агрессии и неподчинению. А ещё у Тумса был повод для гордости, веская причина считать себя уникальным. Даже не имело значения, что это же могло служить причиной насмешек. Во всём флоте Альянса существовал один единственный капрал с литерой N на броне. И это был он.

На своём последнем месте службы, в отряде таких же головорезов, как и он сам под командованием капитана-бой-бабы Вероники Кляо, он всегда был на переднем крае, в разведке и был за это искренне благодарен. В этом отряде он прослужил три лучших года своей жизни, а потом случился молотильщик.

Последнее воспоминание взорвало голову рёвом гигантской червеобразной твари, а тело начали жечь фантомные боли, как будто его броня вновь вплавляется в тело под воздействием чудовищного яда. Сейчас об этом напоминали лишь белые борозды, уродующие две трети его тела. Те, кто подобрал его, с того жуткого песчаного ада и сделали из солдата лабораторную свинку, позаботились о том, чтобы он не сдох раньше времени.

Когда запись закончилась, Тумс лежал на полу, свернувшись калачиком и выл. Последние слова: «Погиб при выполнении боевого задания 23.07.78 на Акузе Личное дело №4567-9873 сдано в архив», окончательно выбили почву из-под ног солдата, но то, что половина отряда чудом выжила, буквально вернуло его в реальность. Истерика медленно стихла, а бред сменился потоком осознанных мыслей, на котором сознание окончательно вернулось в текущую действительность. Тело прекратили сотрясать судороги, дыхание выровнялось. Тумс вновь устроился на кушетке и посмотрел на уник. Маленький всплывший голо-экранчик транслировал одну единственную надпись.

— На волю хочешь? — На самом же браслете загорелись два маленьких слова, зелёное «ДА» и красное «НЕТ».

Палец ткнулся в зелёный сенсор, надпись изменилась.

— Ты долго был в лабораторном плену. Это могло сказаться на рассудке, так что сейчас ты пройдёшь тест на адекватность восприятия.

И снова простой вопрос:

— Ты адекватен? — Красное «ДА» и зелёное «НЕТ». Капрал ткнул красную. Потом ещё раз и ещё. Вопросов было около двух десятков. Они все были простые и под конец даже успели разозлить человека. Но умудрились закончиться прежде, чем желание солдата сорвать и растоптать браслет, стало непреодолимым.

— Отлично. В таком случае готовься и терпи. С тобой свяжутся, как только появится такая возможность. Но помни. — Тумс снова услышал запись, вырвавшую его сознание из самовольного заточения. — Спрячь меня! Не показывай меня! Я твоя самая большая тайна!

Пленник не мог этого видеть, но в соседних камерах, с лёгким шипением в миниатюрных полях деформации перетягивались точно такие же браслеты.

Последние операции Тумсу дались особенно тяжело. Сознание больше не желало прятаться в спасительное «ничто» и чувствовало каждый надрез, а к анестезии, которую ему кололи регулярно на протяжении четырёх (!) лет организм уже привык. Но поведение космопеха на

людях не изменилось ни на йоту. Потому что теперь у него была надежда. Тумсу оставалось только ждать.

И он ждал ещё очень долго. Но это было хорошо, потому что с появлением его Самой Большой Тайны, у него появились часы. И он начал считать их, от чего они тянулись невероятно долго. Но это было неважно.

Однажды, вновь достав браслет из под полки солдат чуть не подпрыгнул от радости, на экране мерцал флажок входящего сообщения.

— Я тебя нашёл. — Гласило оно. И всё. Оказывается, человеку так мало надо для счастья.

После, парень обнаружил, что в гаджете разблокировались новые данные, а именно инструкция по применению от которой у капрала глаза полезли из орбит. Ибо на руке у него был всамделешный шпионский уник Альянса с полным пакетом боевых систем и хак-программ, о таких фанатик оружия только слышал. Краем уха, и то считал эти слухи небылицами.

Единственным минусом, указанным в описании, считалась чрезвычайно низкая ёмкость батареи. То есть, смотреть на время или серфить экстранет можно было очень долго, а вот лезвие "прогорало" буквально за пару взмахов. Почти так же дело обстояло с программами. И, разумеется ситуацию в корне менял поясной аккумулятор, превращающий «крутые часики» в полноценное оружие.

Ещё полторы недели Грег провёл в изнурительном ожидании. Но изнуряло не время, а тренировки. Боец альянса знал, чем занять себя в замкнутом пространстве. И, естественно он не забывал прикидываться прежним овощем, когда его приходили кормить и водили в туалет. В принципе, Тумс уже мог попытаться бежать, но делать это без поддержки извне было глупо даже для него. Так что он ждал и был вознаграждён.

— Я подмёл за собой и подготовил путь отхода. Вытаскивать себя будешь сам при моей корректировке. — Гласило следующее сообщение.

Ну, это подразумевалось с самого начала. Плохо ли это? Да. Придётся постоянно крутить головой и смотреть во все стороны, но был и плюс, который солдату нравился больше всего: палить можно было во всё, что движется, а в том, что у него будет оружие, Тумс уже не сомневался.

Следующее сообщение было неожиданным и быстрым.

— Мы синхронизированы во времени, канал связи стабилен, но выдавать себя не будем до последнего. Я контролирую комплекс. Тебя поведут оперировать через два часа тридцать минут, дожись, пока тебя зафиксируют. Я начну действовать не раньше этого момента. Удачи нам. Уни-инструмент больше не снимай.

Через проклятые и необычайно длинные два часа двадцать три минуты браслет разблокировался полностью и стал невидимым, в очередной раз удивив своего носителя. А ещё через семь минут в камеру вошли его обычные конвоиры.

Для них всё было штатно. Коротко стриженные мужчины только первое время водили его, одетые по полной выкладке, но со временем расслабились и сейчас даже шлемы не надевали. Из оружия имели при себе лишь шоковые дубинки. Снаружи они нападения явно не ждали, а изнутри — ну кто боится восстания помидоров?

Так они и довели парня с заплетающимися ногами и пустым взглядом до операционного стола на котором его и зафиксировали, и никто даже не знал какая музыка сейчас звучит в его правом ухе.

— Пятиминутная готовность. — Прошептал неведомый голос, который хоть и был скрыт синтезатором речи, но вдруг обрёл эмоции.

Конвоиры постояли над телом ещё какое-то время, перекинулись пошлыми шутками прежде чем их выгнал до мучения знакомый Тумсу коновал. В помещении их осталось пятеро: сам Тумс, учёный, двое помощников и охранник в дальнем углу, упакованный в среднюю броню и с незнакомой винтовкой.

— Две минуты.

«Доктор» проверил фиксаторы, отошёл к полке с инструментами за скальпелем, два его ассистента проверяли уже включенные медицинские машины. Охранник в углу расслабился и отвернулся.

— Тридцать секунд. Двадцать девять, двадцать восемь...

Капралу расстегнули комбинезон наметили линии надреза, самопровозглашенный Менгеле склонился над сжатым, как пружина телом и в оглушительной тишине раздался необычайно звучный «щёлк».

— Ноль. — Злорадно бросил голос в наушнике и, одновременно с этим у солдата активировался адреналиновый модуль.

Доктор умер от своего же скальпеля, непонятно как оказавшегося у него в глазу, ближайший ассистент получил уни-лезвием в сердце, а оставшемуся солдат разбил голову о приборную панель.

Резко бросившись под стол, дабы не схлопотать вольфрам, Тумс вдруг понял, что в операционной он остался один, а охранник дымится в искрящемся, как новогодняя ёлка доспехе.

— Диспетчерская ослепла, двери заблокированы, у тебя шесть минут, чтобы надеть его доспех.
— Раздался уже знакомый голос из динамиков в помещении. — Можешь отвечать, я тебя слышу.

— Спасибо! — С чувством выдохнул солдат, на всякий случай, сворачивая охраннику шею.

— О! Совершенно не за что. Давай быстрее, я не могу дурить диспетчера дольше.

Броня, как и винтовка была незнакома, но она была сделана по принципам Альянса, так что проблем не вызвала. Штурмовка тоже легла в руку, как родная. И вовремя.

— Всё. Они заподозрили неладное, готовься. Открываю двери через десять... девять...

Контрольную команду буквально изрешетило. Тумс просто не оставил им шанса, как будто не было перерыва в его службе. Он буквально превратился в стреляющий ураган. А ураган не делает разницы, кто стоит на его пути, мужчина или женщина, броня или белый халат. Я

смотрел на камеры наблюдения из своего логова и поражался с каким наслаждением капрал размазывает церберовцев по стенам. Наверное, я тоже так смогу, если у меня отнять всё, что дорого и несколько лет пытать. Надеюсь, не доживу до такого состояния. Сейчас же я, глядя на творящуюся вакханалию испытывал вполне нешуточную тошноту. Но продолжал делать своё чёрное дело.

— По коридору направо сорок метров. Кордон. Баррикады, четыре штурмовика. Средние щиты. Не высывайся.

— Принял.

Две последовательно летящие гранаты, длинная очередь, краткая передышка на остывание ствола и одиночные добивания.

— Этаж чист. — Доложил я. — Ещё три. Следующий — жилой модуль. Много гражданских, мало оружия. О турелях я сообщу.

— Вас понял. — Кратко бросил капрал. И начался следующий этап казни.

Так мы и шли. Тумс заливал полы кровью, я предупреждал об опасностях загодя. После второго этажа капрал немного оттаял, даже пытался расспрашивать о том, что приключилось в мире. Я отвечал вяло. После увиденного было довольно сильное желание рвануть комплекс вместе с ним.

— Сэр, вы из Альянса? — Неожиданно и с надеждой спросил Грег.

— Никак нет. — Ответил я, осознавая, что настало время охренительных признаний, и ответил.
— Я такой же церберовец, как и твои мишени.

— Какого?! — От этой новости солдат замер на месте, чем непременно воспользовались обороняющиеся.

— Не спать, солдат!!! — Рывкнул я, расстреливая турелью особо храбрых штурмовиков. — В укрытие!

Приказ он выполнил, но от этого лучше не стало.

— Какого х*я здесь тогда происходит? — Взревел он раненым медведем. — Очередной эксперимент надо мной?! Мне всё это опять мерещится?!

— Яйца в кулак, солдат! Побег самый настоящий! — Турель, которой я прикрывал Тумса технично разобрали. — Я помогаю тебе по личным причинам! Так что, если не хочешь ещё четыре года безумия, взял винтовку в зубы и показал этим псам, как воют космодесант!

Хм, сработало. Ого! Да как сработало-то! Это... Это как это он так умудрился?! На меня накатила новый приступ тошноты.

Перегретая винтовка закрепились в магнитном захвате, а в руки лёг трофейный дробовик.

— Слышь, урод. Для чего ты это делаешь?

— Ты не поверишь.

— А ты скажи.

— Хорошо. — Я немного подумал и ответил. — Чтобы вытащить тебя.

— Чушь. Вы, твари, никогда так просто ничего не делаете.

На это в ответ прозвучал тяжкий вздох.

— Ты провёл эти четыре года на операционном столе частично по моей вине. И половина твоего отряда на моей совести. Так что я просто искупаю грехи.

— Подробности. — Рыкнул солдат.

— Я тогда ещё не был с «Цербером», но знал о том, что вас подставляют. Предупредить не мог никаким способом, отменить операцию тоже, так что приказал своим людям спасти кого можно, хотя вполне мог перестрелять тварей. Ну и ещё запретил эвакуировать раненых.

— Почему?

— Не важно. Просто мне на тот момент было нужно, чтобы эксперимент «Цербера» состоялся.

— Для чего?!

— Иди в задницу! Надо было и всё! — Рывкнул я. — А теперь мне надо, чтобы ты стрелял в каждого церберовца на своём пути. И вытаскиваю твою задницу я только для этого!!

Какое-то время солдат стоял неподвижно, не знаю почему, под шлемом было не видно, какие эмоции играют на лице этого психа. Но вот, он сменил дробовик на штурмовку и выдал.

— А ещё что-то про совесть распинался. — Презрительно выдал космопех.

— Одно другому не мешает. — Фыркнул я.

— Ладно, урод, пока что я тебе поверил. Каков план?

— Ты зачищаешь комплекс, я обнуляю «железо», потом ты угоняешь челнок и прыгаешь по координатам, которые я тебе оставил, где тебя ждёт старенький, но неплохой кораблик и энная сумма денег на подъём и психиатра.

— Я не пилот! — Ну ладно хоть, не сказал, что не псих.

— Тогда, ты мудака! — Отрезал я. — Один прыжок через ретранслятор осилит любой первокурсник Академии ВКС!

Из-под шлема раздался зубной скрежет.

— Х-хорош-ш-шо. — Выдохнул космопех. — Я сделаю по-твоему. Но чтоб ты знал урод, я буду валить ваших, и исключений ты от меня не дождёшься.

— Это всё, что я хотел от тебя услышать.

— Продолжаем.

И мы продолжили.

**

На этот раз Призрак даже не находил слов, чтобы описать творящийся в его детище беспредел. Снова начисто уничтоженный комплекс и снова о его существовании он узнал постфактум. Это вообще нормально? Сейчас он спешно просматривал материалы по лаборатории и тихо негодовал о том, куда уходили деньги. Факт перерасстрат был не просто очевиден, он был вопиющ! Но главное, это конечно, цели. Четыре года группа маньяков свежевала ОДНОГО человека на ЧЕТЫРЁХ разных базах для того, чтобы изучить воздействие яда молотильщика.

Рука с сигаретой мягко легла на лоб, в очень культурном фейспалме. Да засуньте вы труп в «царскую водку», да изучайте на здоровье! Эффект будет тот же самый, но нет. Для этого надо было изобрести приманку (единственное, что в этом эксперименте могло принести хоть какую-то пользу), убить отряд отличных солдат, и почти половину десятилетия жрать общие деньги!

В результате, солдату надоело, что его режут и он сбежал при первой же возможности. Остаётся лишь восхищаться его выдержкой. И задуматься, кто так грамотно эту самую возможность ему организовал не оставив после себя никаких свидетельств?

— Не-е-ет. — Протянул он задумчиво. — Если у меня под носом и бегают шпион, то пусть бегают. Я хочу знать, какой нарыв на нашей шкуре он ещё вскроет.

Естественно, Призрак продолжит искать крысу, вот только градус поисков чуточку повысится. А пока...

— Хелен. — Позвал он секретаршу по селектору. — Будь добра, принеси мне данные из архива «Олимп».

Нужно срочно узнать, кто из акционеров вдруг решил подчистить хвосты.

<http://tl.rulate.ru/book/91993/3014209>